
С. Н. ИСКЮЛЬ

**ПОДДЕЛКА С ВЫСТАВКИ, ИЛИ О ЧЕМ АЛЕКСАНДР I
НЕ ПИСАЛ НАПОЛЕОНУ НА ИСХОДЕ МАЯ 1808 г.**

Plus sonat quam valet

Документы, которые привлекли мое внимание на выставке в связи с одной из юбилейных конференций 2015 г., хранятся в деле из коллекции автографов Н. П. Лихачева (Кол. 238. Оп. 2). Дело находится в карт. 269 под № 21, где содержится конверт (19, 6 × 12 см) и два листа — по-русски и по-французски с траурным обводом по краям (22, 9 × 38 см). Как значится в описи коллекции автографов и в атрибуции, наклеенной на обложку дела, перед нами письмо Александра I к Наполеону, писанное в Петербурге 31 мая 1808 г.

В русском оригинале письма Наполеону значится:

«Пресветлейший и Державнейший Император и Король, Дражайший Приятель и брат! С сокрушенным сердцем извещаю Я Ваше Императорское и Королевское Величество, что Любезнейшая Моя дочь, Ея Императорское Высочество, Великая Княжна Елисавета Александровна, минувшаго Апреля 30-го дня, пополуночи в 5-м часу, по маловременной болезни преставилась. Я надеюсь, что Ваше Императорское и Королевское Величество в сем для Меня и Императорскаго дома Моего печальном приключении примете дружеское участие и молю Всевышнего да удалит от Вас всякия несчастныя случаи. В прочем Пресветлейший и Державнейший Император и Король, дражайший Приятель и брат препоручаю Я Вас защищению Всевышняго. Дана в С. Петербурге Маия 31. Дня 1808-го года.

Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества
Добрый Брат.
Александр.

Министр Граф Николай Румянцев».

Текст по-французски, в левом верхнем углу которого указано Traduction (перевод), гласит:

«Très Sérénissime et Très Puissant Empereur et Roi très cher Ami et Sire. C'est avec la plus profonde douleur que J'informe Votre Majesté Impériale et Royale de la perte de Ma fille bien aimée Son Altesse Impériale la Grande Duchesse Elisabeth décedée le 30 Avril dernier à 4. Heures après minuit, après une maladie de peu de durée. J'espère que Votre Majesté Impériale et Royale prendra la part la plus amicale à cet évènement si affligeant pour Moi et Ma famille Impériale et J'implore le très Baut pour qu'il Vous préserve de tout malheur sur ce, très Sérénissime et très puissant Empereur et Roi, très cher Ami et Frère. Je prie Dieu qu'il Vous ait en Sa sainte et digne garde. Donné à St. Petersburg 31 Mai 1808.

De Votre Majesté Impériale et Royale
le bon Frère
Alexandre

Ministre Comte Nicolas Roumiantzow».

Перевод на французский язык за некоторыми незначительными шероховатостями, вероятно, может быть признан для того времени образцовым.

Оба варианта письма из этого собрания автографов написаны на одной и той же бумаге; из той же бумаги склеен и конверт. Филигрань четко просматривается на обоих документах, по-русски и по-французски: часто встречающийся «Рожок» (Horn), т. е. щит, увенчанный короной, и в центре которого почтовый или охотничий рожок, а под водяным знаком — Vander Ley. Бумага — голландского или английского производства, середины — второй половины XVIII в.¹, т. е. та, на которой, предположительно, могло быть написано письмо начала XIX в.

Отсутствие автографа Александра I в письме по-французски вполне естественно может быть объяснено тем, что оригинальное письмо по-французски было отправлено по назначению, но не обязательно непременно в Париж, а туда, где в данный момент находился адресат.

Теперь пора обратиться к содержанию письма, оба варианта которого обведены по краю листов траурной рамкой, что вполне соответствует тогдашней форме извещения о кончине и установленном трауре по усопшему. Письмо касается кончины великой княжны Елизаветы Александровны 30 апреля 1808 г., родившейся у императрицы

¹ *Heawood Ed. Watermarks, mainly of the 17th and 18th Centuries. Hilversum (Holland), 1950. P. 125. Nr 2749.*

Елизаветы Алексеевны 3 ноября 1806 г. В записи, относящейся к 30 апреля 1808 г., в «Камер-фурьерском церемониальном журнале» по этому поводу сказано: «В 8-м часу утра к безпредельной горести Их Императорских Величеств и к крайнему сожалению Императорского дома Ея Императорское Высочество на втором году своего рождения скончалась»². Там же сообщалось о том, что во 2-м часу пополудни, когда уже была отслужена панихида императорским духовником вместе с прочим придворным духовенством, последовало Высочайшее повеление министру иностранных дел графу Н. П. Румянцеву «о заготовлении по церемониальному департаменту распоряжения о погребении тела Ея Императорского Высочества»³.

Извещению о смерти двухлетней великой княжны был, разумеется, посвящен особый манифест, опубликованный в правительственном офицозе:

«В тридесятый день минувшего Апреля по силе Всемогущаго Бога любезная Дщерь Наша Великая княжна Елисавета Александровна скончалась во втором лете возраста.

Возвещая о сем печальном для Нас происшествии, Мы удостоверены, что все верные Наши подданные разделят с Нами скорбь Нашу»⁴.

Как следует из доклада французского посланника Армана де Коленкура герцога Виченцкого Наполеону от 21 мая 1808 г., сообщение о кончине официально последовало 12 мая и тогда же Коленкур от имени французского посольства выразил глубокие соболезнования Н. П. Румянцеву⁵, поскольку с императором поговорить не удалось. На следующий день в докладе Наполеону посланник писал: «Император чувствительно огорчен потерей своей дочери, умершей 12-го числа»⁶. В той же депеше, затронув другие предметы, Коленкур указал, что «кончина великой княжны вызвала немалое сочувствие к императрице: она в полном отчаянии, и сам император поражен глубокой печалью. Окружающие их пользуются этим, чтобы отношения супругов возобновились...»⁷. В депеше министру иностранных дел Жану-Батисту Шампаньи герцогу Кадорскому Коленкур сообщил 22 мая, что импе-

² Камер-фурьерский церемониальный журнал. 1808 года. Январь — июль. СПб., 1907. С. 330.

³ Там же. С. 332.

⁴ Санктпетербургские ведомости. 1808. Мая 8. № 37.

⁵ *Николай Михайлович*, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императоров Александра I и Наполеона. 1808–1812. СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1905. Т. 2. С. 141.

⁶ Там же. С. 148.

⁷ Там же. С. 151.

ратор «не выходит и не занимается делами вот уже несколько дней»⁸. 29 мая посланник доложил: «Со времени кончины великой княжны император выходит мало и не приглашает к себе никого; даже близкие ему особы не обедают с ним»⁹. В докладе же Наполеону от 12 июня посланник отметил, что в тот день Александр I «в первый раз после смерти великой княжны принял к обеду особ близкого своего круга, куда и я был приглашен»¹⁰.

От глаза французского посланника не укрылось важное обстоятельство, а именно, что в императорской семье царил в то время полный разлад, начавшийся за несколько лет до этого. Но Коленкур не мог знать всего. Это стало известно лишь со временем, только в начале XX в., когда августейший историк великий князь Николай Михайлович, приходившийся внучатым племянником императрице Елизавете Алексеевне, стал заниматься подготовкой издания обширной переписки своей тети-бабушки. Именно тогда для него стало ясным, что с 1804 г. или даже ранее этого времени супруг императрицы «стал постоянно от нее удаляться»¹¹. Весомой причиной тому была не кто иная, как фрейлина Императорского двора Мария Антоновна Нарышкина, красота которой, по восторженному отзыву наблюдательного современника, была просто «невозможной»¹². «Все более увлекаясь прелестями прекрасной польки» (Мария Антоновна была урожденной княжной Четвертинской), Александр Павлович встречался со своей женой-императрицей только в присутствии других лиц, а также во время официальных церемоний. В записках того же современника встречается без упоминания о Нарышкиной и такой пассаж об отношении к императрице со стороны русского общества: «Уважаемая, но оставленная супругом, горестная мать, лишившаяся единственного утешения своего, единственной малолетней дочери, Елисавета Алексеевна была предметом его сострадания и благоговения»¹³.

Издание переписки императрицы Елизаветы и занятия ее биографией привело к тому, что в руки историка попали свидетельства из числа

⁸ Там же. С. 154. На самом деле, как явствует из «Камер-фурьерского журнала», император принимал в своем кабинете посетителей и выслушивал доклады министров.

⁹ Там же. С. 162.

¹⁰ Там же. С. 206.

¹¹ *Николай Михайлович*, вел. кн. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга Императора Александра I. СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1909. Т. 2. С. 25.

¹² *Вигель Ф. Ф.* Записки. М. : Круг, [1928]. Т. 2. С. 23.

¹³ Там же. С. 219.

тех, которые остались не уничтоженными императором Николаем I, всякий раз предававшим огню обнаруженные им малейшие следы посторонних отношений в императорской семье. Эти материалы составили документальную основу отдельного очерка «Единственный роман императрицы», с которым великий князь в 1909 г. ознакомил членов императорской фамилии, включая и Николая II. Вполне понятно, что, как писал Николай Михайлович, «оставленная мужем, бездетная, как бы покинутая всеми родственниками, раздражаемая недоброжелательством императрицы-матери Елизавета тяготилась жизнью и одиночеством», а последнее должно было сильно влиять на ее нравственное состояние»¹⁴.

Как следует из очерка великого князя, усугублению ситуации способствовало то, что осенью и зимой 1805 г. император отсутствовал в Петербурге, находясь при армии, и как раз в это время последовало незаметное поначалу для посторонних лиц сближение императрицы и оказавшегося в ее окружении штаб-ротмистра Кавалергардского полка Алексея Яковлевича Охотникова, не участвовавшего в войне против Франции и по роду службы остававшегося в столице. Вероятно, Елизавета Алексеевна имела случай часто видеться с влюбленным офицером, и, по-видимому, общение не прекращалось и после возвращения гвардии в Петербург. Однако долго этот роман продолжаться, естественно, не мог; так или иначе об этой связи стало известно, и вскоре штаб-ротмистра не замедлили устранить (молва приписывала это деяние цесаревичу Константину Павловичу, который якобы сам был неравнодушен к невестке). Охотников был смертельно ранен ударом кинжала в спину по выходе из Большого театра 5 октября 1806 г., когда его внезапно окружила группа неизвестных в плащах. Охотников так и не смог оправиться от раны и, умирая, выказал немалое мужество, когда принял у себя императрицу, которая «показала много сердца и души, решившись на посещение раненного»¹⁵, хотя, разумеется, инкогнито.

Когда же 3 ноября 1806 г. у Елизаветы Алексеевны родилась вторая дочь, получившая имя Елизавета, и ребенок, в отличие от первого, оказался здоровым, появилась надежда не только на то, что дочь может скрасить всегдашнее одиночество императрицы, но, как писал августейший историк, имея в виду отношения супругов, «являлась надежда

¹⁴ *Николай Михайлович*, вел. кн. Единственный роман Императрицы // Елизавета и Александр : Хроника по письмам Императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826. М. : РОССПЭН, 2013. (Серия «Бумаги Дома Романовых»). С. 342; см.: *Искюль С. Н.* Неопубликованный очерк великого князя Николая Михайловича «Императрица Елизавета Алексеевна» // *Cahiers du Monde Russe*. 1993. Vol. 36. P. 345–363.

¹⁵ *Николай Михайлович*, вел. кн. Единственный роман Императрицы. С. 343.

на что-то лучшее»¹⁶. Императрица была счастлива, хотя и писала в то время, как всегда по-французски, матери, Амалии маркграфине Баденской: «Я чувствую себя хорошо, любезная маменька, с малюткой моей Лизанькой, которая умоляет Вас простить ее, что она — не мальчик»¹⁷. Мальчика, конечно, желали все: и мать-маркграфиня, которая едва ли не в каждом письме пеняла дочери за то, что та не умеет привязать к себе Александра, вызвав с его стороны ответные чувства¹⁸, и императрица-мать Мария Феодоровна, которая также желала возобновления супружеских отношений в семье. Конечно, рождение мальчика, который единственно мог «правильно» унаследовать престол, могло, что называется, «взорвать» ситуацию, но с одной лишь оговоркой: если бы отцом новорожденного в данном случае ребенка был император.

Чем же объясняется поведение Александра I, если для него отнюдь не было секретом то, что Елизавета Александровна — не его ребенок? Ответ может быть только один: в этой щекотливой ситуации императору необходимо было, что называется, сохранить лицо. Официально великая княжна приходилась ему дочерью, что подтверждалось не только всеми теми положенными в таких случаях обрядами и распоряжениями по церемониальной части, но и молвой, что сопровождала ее появление на свет и пребывание в лоне Российского Императорского дома. Поэтому в данном случае от государя требовалось соблюсти необходимые приличия, а изобразить то или иное настроение Александру I не составляло решительно никакого труда в силу привычки, приобретенной им еще с тех давних времен, когда он был великим князем. Это, т. е. роль безутешного отца, удалось императору, как и все прочее, в полной мере, но стал бы он писать своему союзнику о кончине дочери императрицы и лейб-гвардейца Охотникова — вопрос. Несомненно, для него вся эта ситуация была весьма тягостной, тем более что, возможно, измена императрицы до конца им пережита так и не была, а собственную измену он мог считать в порядке вещей. Во всяком случае, кончина дочери, а до этого насильственная смерть лейб-гвардейца так и не привели к прощению измен и сближению в императорской семье. Это стало происходить позднее и отчасти способствовало тому обращение императора к Св. Евангелию, которое воспоследовало только в середине 1812 г., а именно перед войной.

Так было ли интересующее нас письмо в самом деле отправлено или — как ни покажется странным и в данном случае отчасти неумест-

¹⁶ *Николай Михайлович*, вел. кн. Императрица Елисавета Алексеевна ... Т. 2. С. 34.

¹⁷ Там же. С. 188.

¹⁸ Там же. С. 192–197.

ным вопрос — существовало ли вообще это письмо Александра I к Наполеону от 31 мая 1808 г.? Помимо того, о чем шла речь выше, укажем на другие моменты, которые позволяют усомниться в подлинности заинтересовавшего нас документа.

Например, на то, как в русском варианте документа выполнена подпись Н. П. Румянцева, а передана она как Roumiantzow. На самом же деле на всех автографах министра иностранных дел и в будущем (с 1809 г.) канцлера Российской империи, в документах эпохи, особенно в инструкциях дипломатам, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, и в личной переписке четко читается ROMANZOFF. Такое же написание сохранилось во всех без исключения документах по-французски, напечатанных в известной публикации «Внешняя политика России XIX – начала XX века»¹⁹. Кроме того, вопрос, почему в сугубо личном письме императора имеется автограф его министра иностранных дел, который в ту пору сохранял за собою еще пост министра коммерции, остается совершенно не понятным. Министр мог, что называется, контрассигновать текст договора или протокол переговоров, но никак не личное письмо государя.

Что же касается весьма похожего автографа императора, то вызывает вопросы не то, как он воспроизведен. Дело заключается в том, что при ином формуляре документа автограф мог служить своего рода «Быть по сему», что ставилось, например, в тексте инструкций дипломатам. Такая же формула вместе с автографом императора, которая располагалась обычно сверху слева от основного текста, в документе отсутствует. В данном случае автограф стоит в конце письма. Такое, т. е. подпись-автограф в документе, который, очевидно, не был отправлен по назначению, в практике переписки императора Александра I встречается мною впервые.

Кроме этого, позволительно задаться вполне очевидным вопросом: зачем вообще потребовалось сочинять сначала русский текст письма, а затем уже отправлять его на перевод? Ведь совершенно естественно, что император мог просто продиктовать это краткое послание одному из своих секретарей или воспользовавшись услугами одного из секретарей графа Н. П. Румянцева или, если таковых при этом случае не оказалось, услугами любого другого чиновника. Это было тем более легко, что знание французского языка было в то время обязательным не только для сотрудников Коллегии или Министерства иностранных дел. Мог император и передать свой черновик письма по-французски, написанный карандашом, которым чаще всего пользовался Алек-

¹⁹ Внешняя политика России XIX – начала XX в. : Документы Российского министерства иностранных дел. М. : Изд-во полит. лит., 1962–1967.

сандр I, секретарю для того, чтобы тот переписал его и представил ему на подпись.

Любопытное обстоятельство, что среди указанных документов в архивном деле хранится и вскрытый куверт (конверт), и не просто надписанный конверт, а со сломанной сургучной печатью черного цвета. На лицевой стороне куверта имеется надпись: «Пресветлейшему и Державнейшему Князю и Государю Наполеону, Божию милостию Императору французскому, Королю Италийскому и Протектору Рейнского Союза, Другу и брату Нашему». Но, как известно, все курьеры, большинство которых почти традиционно избирались из числа иностранцев, просто обязаны были знать язык, который в начале XIX в. оставался не только языком дипломатии, но признан языком всякого служебного и иного общения. В данном же случае, включая и имевшие место оказания с отправкой курьеров французского посольства в Петербурге или других посольств, на конверте, естественно, должен был быть изображен адрес по-французски. Невозможно представить себе, чтобы в императорском дворце Тюильри в Париже или в любом другом императорском дворце особы, отвечавшие на императорскую почту, могли принять из рук курьера куверт, на котором вместо обращения по-французски написано невесть что. Вызывает недоумение и имеющееся там титулование «Князю», ибо к Наполеону невозможно было обратиться на письме *Prince* (*фр.* государь), поскольку такая форма обращения позволялась только при обращении к владетельному государю (принцу), например, одного из многочисленных германских государств, но никак не к французскому монарху. Как к «Императору французскому» к Наполеону также не положено было обращаться, ибо на самом деле с 1804 г. Наполеон всегда официально именовался *Empereur des Français*, т. е. «Императором французов» (в отличие от королевского титулования «король Франции и Наварры» подчеркнуто — император не страны, а народа).

Все это вызывает недоуменные вопросы и сомнения.

Там образом, придется с уверенностью констатировать то, что это письмо Александра I из собрания автографов Лихачева на самом деле отправлено не было, и вообще исторически оно просто не существовало. Скорее всего, его изготовили досужие умельцы, прекрасно зная интерес к «раритетам» со стороны публики, часто готовой платить приличные деньги за обладание подобного рода документами. Изготовитель этого письма на свой лад подготовился к тому, чтобы придать подлинность своему творению. Возможно даже, он был знаком с известным изданием переписки Наполеона, в томе 17 которого опубликованы письма к Александру I от 29 апреля – 14 октября

1808 г.²⁰, а также невозможно исключить, что и с книгой выдающегося историка и дипломата Сергея Спиридоновича Татищева, в которой опубликована последовательно вся переписка Александра I и Наполеона. Историк восстановил событийную канву и поместил в нее обнаруженные им письма обеих государей, с точностью установив, что Наполеон направил русскому императору 66 писем, включая и то, продиктованное, но неотправленное, в котором он излил свое негодование в связи с разоблачением неблаговидной деятельности А. И. Чернышева в Париже, а его союзник написал императору французов 56 раз. Письма Александра I пронумерованы у Татищева римскими цифрами, письма же Наполеона просто отделены от основного текста пробелами и среди них имеется такое, написанное из Байонны (Испания) 15 июня 1808 г.:

«Государь, брат мой, я разделяю всю скорбь, постигшую Ваше Величество. Я чувствую, сколь сердце Ваше должно быть опечалено потерей, которую только что испытали. Позвольте ли Вы повторить Вам это уверение, весьма далекое от истинно дружеского уверения, уверение друга, который чувствует всю Вашу скорбь и который принимает участие во всем, что может оказаться для Вас благоприятствующим? За сим молю Господа, государь, брат мой, да хранит Он Ваше Величество под Своим священным и достойным покровом.

Вашего Величества добрый брат
Наполеон»²¹.

Именно это письмо 2 августа Александр I дал прочесть французскому посланнику, сказав при этом: «...Вы знаете, что у меня нет от Вас секретов» и добавил: «Я особенно тронут дружественным слогом письма императора; естественно он почитает себя обязанным за все те чувства, кои я питаю к нему»²².

Но только что приведенное письмо Наполеона не было письмом ответным. Со слов своего посланника в Петербурге Наполеон знал о печали в императорской семье и о трауре при Российском дворе, поэтому он и поспешил в ожидании скорого свидания написать Александру I, выразив ему свое сочувствие. Тем более это письмо не было ответом на то, что хранится в собрании Н. П. Лихачева, но изготовитель фаль-

²⁰ Correspondance de Napoléon Ier publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris : H. Plon : J. Dumaine, 1864. P. 46–47, 268, 359–360, 496–497, 556.

²¹ *Tatistcheff S. Alexandre Ier et Napoléon d'après leur correspondance inédite. 1801–1812.* Paris : Librairie académique Didier, 1891. P. 422.

²² *Николай Михайлович*, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции ... Т. 2. С. 259–260.

шивки, если он знал о письме Наполеона от 15 июня, мог, вероятно, посчитать возможным восполнить «пробел» у Татищева и изготовить письмо императора Александра о кончине дочери.

Как не вспомнить здесь другой пример с «автографом» Александра I, приведенный в книге замечательного московского бытописателя Евгения Платоновича Иванова! В собственных его «антикварных приключениях» было много всякого, особенно в 1907–1910 гг., когда судьба сталкивала его с разного рода «проделками» букинистов и антикваров. Попалась ему как-то на глаза у известного антиквара Н. В. Новосильцева хорошо сохранившаяся рукопись проекта ордена Св. Троицы, сочиненный неким не то коллежским, то ли регистратором, а может быть и советником, проекта, который предназначался для поднесения императору. От приобретения этой большого формата рукописи с описанием и изображением ордена автор отказался, а через несколько лет вновь встретился с нею при иных обстоятельствах, у «бывалого антиквария» Веркмейстера. На этот раз в верхнем [левом] углу рукописи красовался «автограф» императора: «Благодарен — Александр». Бытописатель не верил своим глазам: «Надпись эта, сделанная гусиным пером и точно сохранившая многочисленные детали сложного каллиграфического росчерка Александра I, казалась сильно выцветшей от времени...», при этом «копиист» из усердия воспроизвел даже случайные брызги гусиного пера!²³ Изучая «автограф», Евгений Платонович уже стал догадываться о том, кто мог быть его автором, и ему вспомнился старый антикварий в Леонтьевском переулке, промышлявший автографами известных лиц, перерисовывая их из печатных альбомов факсимиле... История на этом не кончается, и подлинная рукопись с приделанным «автографом» была подарена не попавшемуся с первого раза на фальшивку антиквару в день его рождения в 1919 г., а тот уж постарался поскорее отделаться от нежеланного подарка, как герой чеховского рассказа «Произведение искусства»...

В качестве концовки этого скромного опыта источниковедческого анализа документа хочу предложить следующее: я нисколько не сомневаюсь в компетентности выдающего знатока документа и книжности, каким оставил о себе благодарную память многим поколениям историков Николай Петрович Лихачев. Будучи еще и пылким приобретателем выставленных на аукционах и обнаруженных у отечественных букинистов и антикваров автографов и документов, он не мог не интересоваться проблемой подлинности и подделки.

²³ *Иванов Е. П.* Меткое московское слово : Быт и речь старой Москвы. М. : Моск. рабочий, 1985. С. 130–133.

2

Пресвятый и Великий Царь, Император и Король, Архангел и Брат! С сокрушенным сердцем извещаю Я Ваше Императорское и Королевское Величество, что Любезнейшая МЕНА Дщерь, Ея Императорского Величества, Великая Княжна Елисавета Александровна, минушаго Апреля 30го дня по полудни во 5^{ти} часу, по миловременной болязни преставилася. Я надеюсь что Ваше Императорское и Королевское Величество во снѣ для МЕНА и Императорскаго Дома МОЕГО печальное приключеніе приметъ дружеское участіе и много Всевышняго да удалитъ отъ Васъ всякия несчастія сугуби. Съ протомъ Пресвятый и Великий Царь, Император и Король, Архангел и Братъ препоругаю Я Васъ защитенно Всевышняго. Дана во С. Петербургѣ Маія 2го дня 1808го года.

Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества,
Добрый Братъ

Александр I

Министръ Грѣкъ Михаилъ Романовъ

Во Величествѣ Императора Французскаго, Короля Италианскаго и Прованскаго
Великая Божья

Письмо Александра I к Наполеону от 31 мая 1808 г.
Архив СПбИИ РАН. Кол. 238. Оп. 2. Карг. 269. № 21

Лев Григорьевич Климанов во время наших с ним разговоров не раз возвращался к этой теме, и мы сошлись на том, что в общем и так, что называется, лежало на поверхности: Лихачев приобретал заинтересовавшие его документы, часто догадываясь, что имеет дело с подделкой; но историк и крупнейший источниковед включал такие образчики в свою коллекцию, в том числе и для того, чтобы иметь представление об уровне профессиональной подготовки изготовителей таких подделок; возможно, это делалось и с тем, чтобы показывать такие подделки коллегам во время ученых экскурсий по своему собранию в особняке на Петрозаводской улице в Петрограде, а затем и в Петроградском археологическом институте (Музее палеографии АН СССР). Одним из таких приобретений и был, вероятно, этот «автограф» Александра I, ибо Лихачев, скорее всего не зная о приведенной выше истории с великой княжной Елизаветой Александровной, которая до конца XX в. оставалась тайной для широкой публики, мог обратить внимание на явные текстуальные и логические несообразности предложенных ему и приобретенных им образчиков письма императора всероссийского к императору французов.

РЕЗЮМЕ

Статья «Подделка с выставки, или О чем Александр I не писал Наполеону на исходе мая 1808 г.» посвящена изучению коллекции документов из собрания Н. П. Лихачева, хранящейся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

SUMMARY

The article «Forgery from the exhibition, or what Alexander I did not write to Napoleon at the end of May 1808» is devoted to the examination of autographed documents from Nicolas Likhachev's collection stored in the Historical Archives of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Переписка императоров Александра I и Наполеона, императрица Елизавета Алексеевна, подделки исторических документов.

KEYWORDS

Correspondence Emperors Alexander I and Napoleon, Empress Elizabeth Alexeevna, forgery of historical documents.

БИБЛИОГРАФИЯ

Искюль С. Н. Неопубликованный очерк великого князя Николая Михайловича «Императрица Елисавета Алексеевна» // Cahiers du Monde Russe. 1993. Vol. 36. P. 345–363.

Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императоров Александра I и Наполеона. 1808–1812. СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1905. Т. 2. С. 1–412.

Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга Императора Александра I. СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1909. Т. 2. С. 1–762.

Tatistcheff S. Alexandre Ier et Napoléon d'après leur correspondance inédite. 1801–1812. Paris : Librairie académique Didier, 1891. P. 1–640.

REFERENCES

Iskyul' S. N. Neopublikovannyj ocherk velikogo knyazya Nikolaya Mikhailovicha «Imperatrice Elisaveta Alekseevna» // Cahiers du Monde Russe. 1993. Vol. 36. P. 345–363.

Nikolaj Mikhailovich, velikij knyaz'. Diplomaticheskie snosheniya Rossii i Francii po donesenijam poslov Imperatorov Aleksandra I i Napoleona. 1808–1812. SPb. : Ekspediciya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1905. T. 2. S. 1–412.

Nikolaj Mikhailovich, velikij knyaz'. Imperatrice Elisaveta Alekseevna, suprugja Imperatora Aleksandra I. SPb. : Ekspediciya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1909. T. 2. S. 1–762.

Tatistcheff S. Alexandre Ier et Napoléon d'après leur correspondance inédite. 1801–1812. Paris : Librairie académique Didier, 1891. P. 1–640.